

Ян ВАЛЕТОВ

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ

Книга 1

Харьков
«Фолио»
2017

Глава 1

К запаху пожухшей травы отчетливо примешивался запах солярки. Осенний, уже слегка подмороженный утренними холодами лес давал ему возможность отделить один запах от другого. Летом это было бы невозможно.

На несколько мгновений Михаил замер и сделал знак Молчуну — не двигаться. Малец, даром что действительно малец — только пятнадцать исполнилось, отреагировал как положено. Его уже поднятая для следующего шага нога зависла в воздухе и медленно, осторожно опустилась на плотный, коричнево-желтый ковер из палых, мокрых листьев — ни шороха, ни хруста.

Да, точно солярка... С дуновением ветерка, пробежавшего промеж осин, Михаил уловил и третий резкий запах — запах смерти. Пахло горелым. Нехорошо пахло. Еще несколько секунд он раздумывал — идти ли вперед, к прогалине, уже видимой впереди, или все-таки свернуть, обойти опасное место, но почти сразу решил идти. Больно уж не хотелось спускаться в овраг, раскинувшийся слева. Глубокий, кстати, овраг, заболоченный и явно с сюрпризами. А справа эту опушку не обойдешь никак.

Он прислушался.

Только ветер. Даже галки не кричат.

По прямой до точки рандеву километра четыре. От силы — четыре с половиной. Можно, конечно, свериться по GPS, но он не хотел окончательно посадить батарейки. В запасе оставался только один комплект, а дорогу он, в общем-то, знал как свои пять пальцев.

Молчун замер рядом, как охотничий пес в стойке. Настороженный, взъерошенный, готовый броситься вперед по команде. Хороший парень. Правильный. Со всеми шансами выжить. Если Бог поможет, конечно. Пока помогал, а дальше — видно будет.

Михаил привычным движением поправил лямки рюкзака, снял автомат с плеча и жестом обозначил направление движения. Бегом они пересекли лощину, взбежали на пригорок и залегли в редком орешнике, огораживающем опушку, словно палисад.

Нюх или, вернее сказать, чутье его не подвели.

Вчера вечером здесь было жарко.

Одна БМП стояла, задрав к небу тупую морду, опираясь на корму — передние колеса зависли в воздухе. Вторая почти успела доехать до леса — метров двадцать не хватило, перевалила через небольшой пригорок и схлопотала ракету в двигательный отсек. По желтой траве разбегались чернильными пятнами черные следы сгоревшей дизельки.

Со своей точки Михаил видел отчетливо четыре тела.

Первый покойник лежал совсем недалеко — метров тридцать — тридцать пять, показывая им стоптанные подошвы армейских полусапог. Рядом с ним валялся автомат — приклад виднелся возле локтя лежащего. Он и после смерти не выпустил ремень АК.

«Значит, кончала их не пехота, — подумал Михаил. — Иначе бы снаряжение собрали. Конфедератам оно и так нужно позарез, а у ооновцев приказ такой есть — ничего на поле боя не оставлять, дабы не вооружать конфедератов и незаконные формирования в “ничейке”. Вертолеты?»

Он достал бинокль и через несколько секунд убедился, что был прав в своих предположениях. Следы, похожие на змеиные, были видны и без бинокля — если знать, что и где искать.

Две тяжелые бронированные машины, свернув с дороги, мчались, виляя, через поле, пытаясь достичь леса, на ходу отстреливаясь от атакующих с минимальной высоты вертолетов. Но не успели.

Он явственно представил себе момент атаки — шум дизелей, свист турбин, монотонное чавканье винтов «чопперов», автоматную трескотню и сливающийся в сплошной надсадный грохот рев навесных вертолетных «шестистволок». Потом воздух разорвали ракеты.

Разбегающихся весело расстреливали из станковых пулеметов через проемы дверей. Повисели, разгоняя винтами холодный воздух и водяную пыль, над чадящими жирным черным дымом машинами для верности минут пять и ушли к реке — довольные проведенной операцией. Пить пиво, трахать боевых подруг и наслаждаться жизнью. Обычная боевая операция на «ничейной» полосе. В «буферной зоне». В «карантине». В «полосе отчуждения». Кто как называл. И с какой целью называл.

Конфедераты любили нейтрально-стыдливое — «карантин». Ооновцы без стеснения называли эту почти стокилометровую в ширину и семисоткилометровую в длину полосу, протянувшуюся от Киева до Одессы, «буферной зоной». Россияне — «нейтралкой», «зелёнкой» или «ничейной землей».

Это первый год после Потопа журналисты придумывали красивые названия — «зона смерти», «адская кухня» и еще чего покруче. А потом...

К любой новости привыкают. Привыкли и к этой. Хотя, как можно привыкнуть к тому, что на месте городов и сел теперь могильник, Михаил слабо себе представлял.

Никто не знал, сколько людей погибло во время Потопа. В любом случае — пятнадцать миллионов, как объявила ООН, или семнадцать миллионов человек, как говорили некоторые специалисты, — цифра была одинаково страшной. Одно время число погибших пытались подсчитать, но из этого ничего не получилось. А когда начались основные события — стало просто не до того.

«Зона совместного влияния» — выдумали же названьице! Когда на второй месяц после событий прекратили прием беженцев и начали горючить «колючку» и пропускные пункты на востоке, никто не мог сообразить, что, собственно говоря, произошло. Коммуникации не работали — связь, телевидение и радио никто и не налаживал. У военных была своя, а всем остальным, если честно, было не до связи. Жара стояла страшная, трупы животных и людей гнили буквально повсюду. Ядерное заражение от шести блоков Запорожской АЭС, химическое заражение от химкомбинатов и металлургических заводов, вспышки инфекций, вплоть до чумы и холеры, — забот, мягко говоря, хватало. А тут — конфедераты, с их дохлым тезисом, что сам Господь поделил Украину на Левобережную и Правобережную, Львовский путч ооновцев, Полонянский кризис...

Вдоль нефте- и газопроводов стали стеной российские войска — какое уж тут международное сообщество и его бесполезное мнение, когда речь идет о собственных интересах? Да и мировое сообщество не сильно сопротивлялось, разве что особо оголтелые правозащитные организации — российские ресурсы шли в Европу, а своя рубашка все же ближе к телу, чем чья-то «вышиванка». Тем более что восточные области заявили о создании независимой республики и мгновенно присоединились к России, войдя в состав Федерации как единый член.

— Лихое было времечко, нечего сказать. — Михаил невесело усмехнулся в усы. Он до сих пор помнил те страшные дни безвластия и безвременья. Безвременье кончилось, а вот безвластье...

Безвластье оставалось и поныне, правя бал на просторах Зоны совместного влияния, на двенадцатый год после Потопа. Все привыкли. Никому не было дела до того, что творится в «карантине» — лишь бы не дул оттуда ветер и не шли дожди, приносящие радиоактивную воду или кислоту. И не лезли через «колючку» и минные заграждения аборигены — покрытые язвами, заразные и опасные. Потом потихоньку сюда, в «карантин», начали сливать свои человеческие «отбросы», что с востока, что с запада — больно уж удобно было избавляться от недовольных и преступников таким дешевым и доступным способом — и «карантин» стал тем, чем был сейчас. Ничьей Землей, где действовал один закон — закон силы. И цель у живущих здесь была одна — выжить.

У тех, кого сейчас в бинокль рассматривал Михаил Сергеев, выжить не получилось. Сложно выжить на открытой местности, когда в атаку на тебя заходят бронированные туши боевых вертолетов. Такие операции называют зачисткой Зоны совместного влияния от незаконных бандитских формирований. Как будто бы бандитские формирования бывают законными, ей-богу! На деле же «чистили» все, что попадалось под руку. Рисковать никому не хотелось, да и развлечение при нудной охранной службе какое-никакое. Безнаказанность развращает, что ни говори. Рубежи, особенно последние два года, охранялись из рук вон плохо, несмотря на изобилие электронных систем. Сергеев, который минимум раз в два месяца переходил нелегально то восточную, то западную границу, знал это наверняка. Зато стрелять по движущимся мишеням местный контингент научился здорово.

Кто «порезвился» здесь вчера, можно было только догадываться. БМП были без опознавательных знаков. Расстрелять их могли и ооновцы, и россияне, и конфедераты. Потенциально он мог назвать еще как минимум десяток вероятных виновников вчерашних событий, но для начала им надо было где-то раздобыть вертолеты.

Михаил был далек от того, чтобы жалеть погибших — на невинных овечек они не смахивали. Скорее всего, ребята были из банды атамана Супруна — гулял здесь такой уже года три, и весело гулял, надо сказать, с размахом и молодецкой удалей. Лил кровушку, жировал на военных складах, вешал мародеров и философствовал, что твой батька Махно. Не далее как пару недель назад именно его ребята обложили Сергеева

и Молчуна в Кременчуге, плотно так обложили, умеючи. Но не знали на кого нарвались. Там и полегли, все пятеро — они, кажется, называют такую пятерку в свободном поиске — «гуртом». А пятый, как оказалось, сам «пан гуртовой», долго рассказывал все, что знал и не знал, с ужасом глядя в спокойное лицо Молчуна, сидевшего перед ним на корточках. Не зря боялся. У Молчуна к ним особый счет. Какой — Молчун не говорил. Он вообще ничего не говорил. Слышать — слышал, и неплохо слышал, как летучая мышь. А говорить — не говорил. Никогда.

Сначала Михаил думал, что парень просто не хочет этого делать. Были такие секты на Севере — там давали обеты молчания, а нарушившим обет для острастки отрезали языки. Но язык у Молчуна был на месте, на фанатика, выращенного истинной церковью или Капищем, он не походил, а вот говорить отказывался.

За прошедшие полгода Сергеев привык к парню, как к родному, привязался к нему и надеялся, что Молчун платит ему тем же. Тем более что платить было за что — не подоспей тогда вовремя Сергеев, и следа бы не осталось от мальчишки. Трясина была серьезная — что из того, что с виду — просто большая лужа на окраине Борисполя.

Молчуна загнала туда стая бродячих собак. Они стали настоящим бедствием для путников, путешествующих в одиночку или небольшими компаниями. Людей они не боялись совсем, а свирепостью и кровожадностью не уступали волкам. Только вот умом, хитростью и численностью их многократно превосходили.

Проходя мимо разрушенной церкви с единственным уцелевшим куполом, торчавшим над полуразваленными стенами гнилой луковицей, Сергеев услышал выстрелы — стреляли экономно, короткими очередями и одиночными. Потом стрелявший дал очередь длинную, на полрожка, и замолк. Опыт — сын ошибок трудных — говорил Сергееву о том, что соваться туда, где стреляют, не следует. Но опыт опытом, а ноги сами понесли Михаила по тропке между двумя обветшалыми складами, ошестинившимися ржавой гнutoй арматурой, — там, где стреляли, находился человек. И, скорее всего, этот человек был в беде.

Потом он услышал собачий визг, даже не визг — скулеж и многоголосое рычание. Впереди была стая, и, если судить по звукам, немалая. Благоразумнее было бы остановиться, не лезть в неизвестность, через разросшиеся в два человеческих роста заросли амброзии и пыльного лопуха. Стая — это стая. Коллективный разум — кровожадный, безжалостный, хорошо организованный. Собачий спецназ в мундирах из